

НЕРЧИНСК – ПЕКИН: РУССКИЕ ТОРГОВЫЕ КАРАВАНЫ В 1689–1703 гг.

Результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 33.1687.2017/4.6.

Представлена характеристика первого этапа российско-китайской торговли – от заключения в 1689 г. Нерчинского договора до закрытия в 1703 г. Пекина. Рассмотрены социальный состав, особенности и характер русских торговых караванов (государственный, частный, смешанный); отношение России и Китая к экономическому сотрудничеству в условиях переговорного процесса и практической деятельности; роль в нем политических факторов; влияние русско-китайской торговли на положение Нерчинска.

Ключевые слова: Россия; Сибирь; Китай; Восточное Забайкалье; Нерчинск; рубеж XVII–XVIII вв.; международная торговля.

Делопроизводство Нерчинской таможни и воеводской канцелярии, а также ряда дел Сибирского и Посольского приказов, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов [1], дают возможность представить динамику становления и развития российско-китайских отношений на рубеже XVII–XVIII вв. Научное изучение этих источников было начато в конце XVIII в. историком и археографом Н.Н. Бантыш-Каменским [2], а в середине XX в. продолжено советскими историками Е.П. Силиным [3], П.Т. Яковлевой [4], О.И. Кашиком [5], В.А. Александровым [6]. Институтом востоковедения РАН было осуществлено издание сборников «Русско-китайские отношения 1689–1916» [7], «Русско-китайские отношения в XVII в. 1689–1691» [8], «Русско-китайские отношения в XVIII веке. 1700–1725 гг.» [9], которые содержат документы и материалы о начальном периоде становления русско-китайских пограничных и экономических связей.

В исследовательской литературе содержание и значение Нерчинского договора обычно оцениваются с позиций, прежде всего, установления прочных торговых отношений между Россией и Китаем. П.Т. Яковлева называла подписанный документ договором «о мире и торговле», который в течении 200 последующих лет служил основанием для организации «возраставших взаимовыгодных торговых связей для обеих стран» [4. С. 13]. По П.И. Кабанову, тема организации международной торговли была «основной в ходе нерчинских переговоров» [10. С. 21–22]. М.И. Сладковский утверждал, что договор определил «правовые основы для равноправной торговли, в чем оба государства были заинтересованы» [11. С. 26].

Действительно, основная задача российского посольства Ф.А. Головина, отправленного в Китай в 1687 г., заключалась в установлении широкой, свободной и взаимной торговли [4. С. 134]. Во встрече с богдыханом Сюань Е подъячий Посольского приказа Иван Логинов просил: «Которые из городов стороны царского величества <...> поданные будут приезжать с торгами в Китайское государство или в приграничные города, и богдыханово величество <...> велит их пропускать без задержания и велит давать им торг привольный». В ответ Россия взаимно обязывалась, что «в городах их царского величества дан им [китай-

ским купцам] будет торг привольной» [1. Кн. 1063. Л. 726–732]. Однако китайская сторона в отношении «повольного торга» предложила принимать российские торговые караваны в Пекине только один раз в пять лет.

Таким образом, для цинских властей вопрос о торговле с северным соседом был второстепенным по отношению к демаркации границы, если вообще имел какое-то значение. Когда китайская сторона представила согласованный с императором окончательный текст договора, то пункт о торгово-экономических отношениях в них вовсе отсутствовал. После протеста Ф.А. Головина Китай предложил этот пункт в следующей редакции: «... торговым людям с проезжими грамотами с обеих сторон для нынешние начатые дружбы для своих дел в обеих сторонах приезжать и отъезжать до обеих государств добровольно и покупать и продавать, что им надобно, да повольно будет» [Так же. Ф. 62. Л. 1138/1133]. Текст удовлетворил русского посла, кроме неясной фразы о свободном проезде торговых людей, без указания, что ими должны быть именно поданные России. После ряда согласований пятая статья Нерчинского договора получила следующую редакцию: «Вследствие ныне заключенной дружбы и установленного вечного союза люди какого бы то ни было положения, имеющего охранные грамоты для проезда, могут свободно следовать в земли обеих держав и повсюду продавать и покупать, как им будет необходимо для обоюдной торговли» [8. С. 650]. Но буквально накануне процедуры подписания, 21 августа 1689 г., этот пункт, по настоянию китайской стороны, был изменен и вошел в окончательный вариант соглашения в следующем виде: «Поданным обеих государств границы не переходить. Что касается торговли, то после заключения мирного договора русские купцы с разрешения императора смогут вести вольный торг, а китайским купцам в Россию ходить не за чем» [7. С. 537–538].

Этот неожиданный поворот в переговорном процессе, хотя юридически и закрепил коммерческие интересы России в Китае, но поставил их в прямую зависимость от воли богдыхана, который использовал данное право для решения политических вопросов. Главным из них был вопрос о границе, поскольку демаркации подвергся лишь небольшой ее участок по

рекам Аргунь и Амур. Миссией Ф.А. Головина были уступлены уже занятые русскими земли по правобережью Амура (Албазинское воеводство), хотя притязания Цинской империи простирались на сибирские территории вплоть до Якутска и берегов Байкала. Позже Сюань Е и его европейские советники Е.Ф. Жербильтон и Т. Перейра признавали, что в ходе переговоров цинская делегация пыталась получить земли, о которых она не имела понятия, и убедительных доказательств их принадлежности Китаю [7. С. 623, 651]. Спустя 11 лет, в августе 1700 г., тот же Сюань Е в своем указе отмечал, что он получил то, на что не имел права претендовать, а население Приамурья задолго до Нерчинского договора было присоединено к России [9. С. 51].

О второстепенном характере для Китая экономической стороны Нерчинского договора свидетельствует и то обстоятельство, что на всем тысячеверстном пути от Приангурска до Великой Китайской стены, занимавшего по времени около одного месяца, китайская сторона так и не создала ни одного пункта для отдыха, ночевки и корма животных, не обеспечила русские караваны подводами, пропитанием и охраной. Уже с 1693 г. цинские власти стремились ограничить доступ русских в Пекин, сократив их время пребывания в столице до минимума и определив для международной торговли пограничную маньчжурскую деревню Наун (современный Цицикар). Здесь насчитывалось несколько сотен лавок, на постоянное жилье оставалась основная часть русских работных людей, обслуживавших перевозки из Нерчинска в Пекин [12].

Для урегулирования возникших проблем в 1693 г. в Китай было направлено второе посольство во главе с датским купцом И. Идесом (он играл заметную роль в Немецкой слободе и имел связи в правительственных московских кругах, включая самого Петра I). Сюань Е заверил, что удовлетворен условиями Нерчинского договора, но пропуск караванов непосредственно в Пекин связывал с признанием Россией вхождения в состав Китая Северной Монголии и размежеванием российско-монгольской границы. И. Идес извещал Петра I, что свободные торги получат продолжение из Нечинска только после «отделения монгольской земли» и Китай даже имеет намерение отправить в Россию свой торговый караван [2. С. 74; 9. С. 343–346]. В ожидании согласия России на новую демаркацию границы, Китай соблюдал условие Нерчинского договора о торговле несколько лет, «закрывая» глаза на то, что российская сторона направляла караваны не один раз в три года, как было оговорено Нерчинским договором 1689 г., а ежегодно. Однако правительство России решило сохранять сдержанность к новым инициативам южного соседа – в ноябре 1696 г. оно известило цинские власти о своем нейтралитете в войне Китая с Монголией и отказе в помощи джунгарскому хану Галдану, поэтому надеялось на благосклонное отношение к своим торговым экспедициям [13. С. 240]. Однако препятствия, чинимые русским купцам, дополнились требованиями сократить количество торгующих и вооруженного конвоя, выжиганием степи и поощрением местного даур-

ского населения к нападениям на проезжающих [13. С. 245]. Так продолжалось до тех пор, пока Россия не направила в 1725 г. в Китай новую посольскую миссию во главе с С.В. Рагузинским для демаркации монгольской границы и подписания нового (Кяхтинского) договора 1727 г.

Всего за период с 1689 по 1703 г. из Нерчинска в Пекин было направлено 11 российских торговых экспедиций, занимавших по времени от 10 до 12 месяцев. У всех торговых караванов был один и тот же путь, найденный еще в середине XVII в. при помощи даурских жителей, когда частные торгующие люди Нерчинского острога на свой страх и риск проникали с товарами вглубь Маньчжурии. Путь этот был описан в дневнике Николая Спафария (1675 г.) – он вел от Нерчинска к Аргунскому пограничному острожку, где после переправы через реку Аргунь начинались китайские владения. Много дней и ночей многолюдные и многотележные караваны в составе купцов, казачьего конвоя и работных людей шли голой степью по направлению рек Хабур, Ган, Тербула, Мерген, Хинган, Каникал, Хайлар, Дзадун, Унера, Улучи и далее уже по коренным китайским владениям [14. С. 104–113].

Отправка и прибытие первых торговых караванов тщательно документировались Нерчинской таможней, что позволяет получить представление о численности и социальном составе участников, руководители и определить их характер – казенный, частный или смешанный (табл. 1 и 2). Основание для такого разделения – соотношение московского купечества (их интересы представляли торговые агенты) и принадлежавших им вывозимых и ввозимых товаров с местными нерчинскими торговыми людьми и их товарами (хотя в Нерчинском договоре содержалось условие «повольной» торговли для всех желающих). Именно столичные купцы имели право от имени государства реализовывать его монополию на продажу сибирской пушнины [6. С. 212]. Например, в 1699 г. в Селенгинский, Удинский и Нерчинский остроги было послано распоряжение зачитать статьи Нерчинского договора и объявить запрещение ходить на соболиные промыслы и продавать пушнину китайцам, «чтоб посольским договорным статьям нарушения не было». Охота разрешалась только агентам столичных купцов, как и скупка ими шкурок пушного зверя у охотников по всей Сибири [15. С. 56].

Первый торговый караван 1689–1690 гг., направленный в Пекин по распоряжению Ф.А. Головина, возглавлялся нерчинским сыном боярским Григорием Лоншаковым. Он носил смешанный характер. Интересы именитых московских купцов Евстафия Филатьева, Семена Лузина, Ивана Ушакова и Гаврилы Никитина представляли их агенты – Василий Лобанов, Роман Романов, Иван Алексеев, Кузьма Степанов, Иван Белозеров, Яков Яковлев, Иван Саватеев, Игнатий Пинега и Афанасий Ендомский. Частными торговыми людьми из Нерчинска были Прокопий Бурдуковский, Василий Бушков, Любим Губкин и Евстафий Никифоров. Из числа более 35 промышленных «гулящих» и работных людей известна группа из 10 человек во

главе с Дементием Ивановым. В Россию были ввезены шелковые и хлопчатобумажные ткани, шелковые

нити, золото, серебро, жемчуг, чай, бадьян, посуда и различная бытовая утварь.

Таблица 1

**Торговые караваны Нерчинск – Пекин (1689–1703 гг.)
и Нерчинск – Наун (1707–1728 гг.) (определено по: [6. С. 204–230])**

Последовательность	Период	Торговый комиссар		Характер каравана
1	Декабрь 1689–1690	Григорий Лоншаков	Нерчинский сын боярский	Смешанный
2	Июнь 1691–март 1692	Афанасий Казаринов	Нерчинский казачий пятидесятник	Смешанный
3	Декабрь 1692–октябрь 1693	Семен Молодой, Любим Уваров	Нерчинские дети боярские	Частный
4	Июль 1693 – июнь 1694	Исбрандт Идес	Российский посол в Пекин, датский купец	Казенный
5	Август 1695 – октябрь 1696	Фамилия не установлена		Смешанный
6	Лето 1696 – лето 1697	Спиридон Лянгузов	Московский купец	Казенный
7	Июль 1697 – август 1698			Смешанный
8	1698–1699			Частный
9	1699–1700	Андрей и Иван Бейтоны	Иркутские дети боярские	Частный
10	1700–1701	Григорий Быков	Нерчинский купец	Частный
11	1702–1703	Иван Савватеев	Нерчинский купец	Частный
12	1707–1708	Петр Худяков	Нерчинский торговый человек	Частный
13	1710–1711	Иван Савватеев	Нерчинский купец	Частный
14	1711–1713	Петр Худяков	Нерчинский торговый человек	Частный
15	1713–1715	Григорий Осколков	Купец из Великого Устюга	Частный
16	1716–1717	Михаил Гусятников	Купец	Частный
17	1720–1722	Федор Юринский	Купец	Частный
18	1724–1728	Федор Истоппников и Степан Третьяков	Купцы	Частный

Таблица 2

Социальный состав участников торговых караванов из Нерчинска в Пекин [6. С. 206]

Категории участников	Год отправки торгового каравана										
	1689	1691	1692	1693	1695	1696	1697	1698	1699	1700	1702
1. Агенты гостей и купцов гостинной сотни	9	23	1	26	5	17	2	–	–	–	–
2. Другие (частные) торговые люди	4	12	–	2	13	13	8	–	–	–	–
3. Промышленные «гулящие» и работные люди	Более 35	42	17	158	98	113	–	–	–	–	338
4. Служилые люди (в том числе конвой)	40	19	37	23	41	–	–	–	–	–	–
Итого:	88	96	55	209	157	143	10	478	–	–	338

Во втором караване 1691–1692 гг., возглавляемым казачьим пятидесятником Афанасием Казариновым, состояло уже 23 агента купцов гостинной сотни и 12 частных торговых людей. Первые представляли интересы столичных купцов братьев Филатьевых, Г. Никитина, Ивана Ушакова, Семена Лузина и Никиты Кириллова. География частных предпринимателей расширилась путем включения купцов, прибывших из

различных российских городов: Дмитрий Гречанин, Гаврила Смольников, Григорий Осколков, Иван Шангин, Василий Юринский, Иван Нечаевский, Матвей и Ларион Фомины, Иван Бобровский, Михаил Шульгин и Матвей Тарасов. Но и они (всего 35 человек) не смогли превысить число местных нерчинских торговцев, зачисленных в промышленные «гулящие» и работные люди (42 человека) по причине требования

китайской стороны сократить число торговых людей. Казачьим конвоем командовал пятидесятник Агапит Плотников. Он вез письмо иркутского воеводы Ф.И. Скрипицына китайскому вельможе Сонготу, подписывавший от имени Цинского правительства Нерчинский договор. В письме, адресованному императору, наряду о караване А. Казаринова сообщалось также и о том, что Россия «крепко соблюдает» заключенный договор о границе и дружбе, поэтому отвергает предложение Джунгарии стать союзником в войне против Китая [1. Ф. 214. Кн. 1063. Л. 193]. Сонготу поблагодарил за письмо и разрешил россиянам торговать свободно, предоставив прибывшим подводы, провожатых, корм и постоялый двор. Однако предупредил, что Китай впредь не будет оказывать подобных услуг всем русским торговым людям.

Третий караван 1692–1693 гг. во главе с нерчинскими детьми боярскими Семеном Молодым и Любимом Уваровым не удалось сформировать как казенный. Он почти полностью состоял из нерчинских торговых людей и позже примкнувшего к ним приказчика московского «гостя» Евстафия Филатьева – Петра Худякова. Общее количество участников, по сравнению с предыдущим, сократилось вдвое и составило 55 человек, из которых 37 были казачьим конвоем.

В 1693–1694 гг. в Пекин была отправлена торгово-дипломатическая миссия датского купца И. Идеса. По численности она в четыре раза превышала предыдущий торговый караван. Состав участников носил смешанный характер – интересы столичных купцов представляли 26 агентов. К миссии присоединились нерчинские купцы, которые вновь выехали в составе категории промышленных «гулящих» и рабочих людей, возросшей до 158 человек.

О руководителе пятого смешанного каравана 1695–1696 гг. нет сведений. Известно только что, 76,3 % всех вывозимых в Китай товаров принадлежали «первостатейным» московским купцам Евстафию Филатьеву и Семену Лузину [4. С. 212].

В 1696–1697 гг. купец Спиридон Лянгузов возглавил шестой караван, сформированный в Москве и отправленный с дипломатической поддержкой в виде «проезжей грамоты» из Сената. Согласно этому документу, он объявлялся первым официально государственным. Москву представляли 17 торговых агентов, 13 торговых людей были из городов Центральной России. Для обеспечения торгов в Пекине была собрана вся имеющаяся в стране пушнина, которая составила 70% от всех отправленных из Москвы в Китай русских товаров. Меха (горностаи, соболи, белки и другие) составили 9 634 единицы на сумму 101 32 руб. 27 алтын. Это количество было дополнено мехами нерчинских частных, которые вывезли их в Китай на сумму 210 230 руб. [6. С. 225–227], т.е. в 2,5 раза больше того, что сумело собрать государство.

Причина этого видится в сложившихся контрабандных торговых связях нерчинцев с китайскими соседями, которые не считались преступлением, поскольку до 1689 г. между Россией и Китаем не было твердо установленной границы и торгового договора. Кроме того, у нерчинских торговых людей отпускная

стоимость товаров была меньше, чем у столичных, которые в местах формирования своих караванов уплачивали по Новоторговому уставу 1667 г. 20% таможенной пошлины, что приводило к удорожанию их товаров [Там же. С. 226]. После 1689 г. контрабандный провоз товаров стал укрепляться по мере отхода Москвы от условия Нерчинского договора о свободной беспошлинной торговле, с целью монополизировать ее в интересах первостатейных столичных купцов в ущерб нерчинским торговым людям. Китайские партнеры более охотно сотрудничали с рядовыми нерчинскими торговцами, не считавшими обязанным следовать правилам, распространявшимся на официальные караваны. Примером тому служит факт того, что прибывающие в Пекин караваны находили местные рынки заполненными «русским товаром» по более низким ценам и охотно покупаемым местным населением, о чем сообщал Л. Ланг [16. С. 130].

С. Лянгузов, поселившись в Нерчинске, провел в Пекин еще две торговые экспедиции. В 1697–1698 гг. в Пекин поехали всего 2 агента «гостей» и 8 частных торговых людей. О других категориях частных каравана данных не имеется, но это, скорее всего, были все те же нерчинские торговцы, завуалированные под вспомогательный персонал. Скорее всего, они же и представляли состав последних караванов в Пекин, которые с 1700 г. организовывались и возглавлялись уже преимущественно самими нерчинскими купцами. Сведения о прибытии в Нерчинск «элитных» купцов уже отсутствуют, кроме общего числа караванщиков. Десятому (в 1700–1701 гг.) и одиннадцатому (в 1702–1703 гг.) караванам нерчинских купцов Григория Быкова и Ивана Савватеева, в целях личной безопасности и сохранности грузов, пришлось вернуться домой через монгольские степи и Селенгинск.

С 1703 г. государственные торговые караваны не отправлялись больше в Китай из Нерчинска, а отправляясь более кратким и безопасным путем из Селенгинска через Северную Монголию. Во избежание дипломатических осложнений, в 1706 г. Петр I издал указ «О непропуске в Китай торговых людей без грамот из Сибирского приказа», что ограничило официальную внешнеторговую деятельность частных торговых и служилых людей Нерчинска [17]. В 1707 г. торговля Нерчинска с Китаем переместилась в пограничный маньчжурский Наун, где уже не требовалось «проезжих грамот». С 1707 по 1728 г. из Нерчинска было совершено семь торговых экспедиций в Наун, далее которого цинские власти уже не пропускали. В 1720 г., по причине запрета въезда уже и в Наун, китайские власти разрешили прибывшим купцам основать в монгольской Урге русскую торговую слободу – Ургинский Маймачен. Просуществовала она до 1726 г.: возведенные постройки были сломаны, а русские купцы вместе с Л. Лангом возвратились в Селенгинск по требованию китайской стороны.

При всех трудностях развития российско-китайской торговли в конце XVII – начале XVIII в., Нерчинск пережил в этот период экономический подъем. После упразднения отошедшего к Китаю Албазинского воеводства, он превратился в самый крупный опорный военный и торговый центр Забайкалья

близ российских рубежей на Аргуни. Создав базу в Нерчинске, россияне заняли господствующее положение на крайнем востоке страны и на китайском рынке, вытеснив с него джунгаров, которым путь в Пекин был воспрещен из-за джунгаро-маньчжурской войны 1690–1697 гг. Различные слои местного населения, помимо основных забот по городской службе, вовлекались в сферу товарно-денежных отношений. Дома и дворовые постройки сдавались в аренду, по-скольку приезжих и привозимых ими товаров местные постоялые и Гостинный двор не вмещали. Когда наступала пора формирования караванов, население Нерчинска увеличивалось многократно при постоянном списочном составе более 1 000 человек [18. С. 1–4]. Из новоприбывших были десятки столичных аген-

тов и торговых людей, сотни промышленных «гулящих» и работных. Последние стекались со всех уголков Восточной Сибири в поисках заработка, часть из них оставалась на постоянное жительство в Нерчинске и Науне. Оставляемые в Нерчинске после торговли в Китае купеческие приказчики, «ларешные» и работные люди продолжали мелкие торговые операции, добывали в лесах пушного зверя или скупали его, сами превращаясь в самостоятельных торговцев [3. С. 150]. В результате военно-пограничный Нерчинск приобретал черты купеческого города. После заключения в 1728 г. Кяхтинского трактата «о границе, торговле и купечестве» роль главных ворот зарубежной торговли с Китаем и Монголией перешла от Нерчинска к Кяхтинскому форпосту.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский Государственный архив древних актов.
2. Бантыш-Каменский Н.Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 г. Казань : Тип. Императорского университета, 1882. 565 с.
3. Силян Е.П. Кяхта в XVIII в.: Из истории русско-китайской торговли. Иркутск : Иркут. обл. изд-во, 1947. 204 с.
4. Яковлева П.Т. Первый русско-китайский договор 1689 г. М. : Изд-во АН СССР, 1958. 212 с.
5. Кашик О.И. Торговля в Восточной Сибири в XVIII в. (по данным таможенных книг Нерчинска, Иркутска, Илимска) // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: [Б.и.], 1961. С. 197–198.
6. Александров В.А. Россия на Дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). 2-е изд. Хабаровск : Хабаров. книж. изд-во, 1984. 275 с. (первое издание – М. : Наука, 1969).
7. Русско-китайские отношения 1689–1916. Официальные документы. М. : Изд-во вост. лит., 1958. Т. 2. 142 с.
8. Русско-китайские отношения в XVII в. 1686–1691. Материалы и документы. М. : Наука, 1972. Т. 2. 790 с.
9. Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы. Т. 1: 1700–1725 гг. М. : Наука, 1978. 704 с.
10. Кабанов П.И. Амурский вопрос. Благовещенск : Амур. книж. изд-во, 1959. 254 с.
11. Сладковский М.И. Очерки экономических отношений СССР с Китаем. М. : Внешторгиздат, 1957. 455 с.
12. Долгов С. О. Ведомость о Китайской земле и глубокой Индеи // Памятники древней письменности и искусства. М. : [Б. и.], 1899. С. 14–35.
13. Идес И. Записки о русском посольстве в Китае (1692–1695). М. : Наука, 1967. 404 с.
14. Спафарий Н.Г. Путешествие через Сибирь до границ Китая. Чита : Экспресс-изд-во, 2009. 180 с.
15. Жалсараев А.Д. Время, события, люди. Хронологический перечень дат и фактов этнической Бурятии. Улан-Удэ : Республ. типография, 2011. 408 с.
16. Записки Л. Ланга о поездке в Пекин // Русско-китайские отношения в XVIII в.: материалы и документы (1700–1725 гг.). М. : Наука, 1978. 704 с.
17. О непропуске в Китай торговых людей без грамот из Сибирского приказа. 28.01.1706 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб. : Тип. II Отд. Е.И.В. Канцелярии, 1830. Т. 4. № 2089.
18. Найденов Н.А. Сибирские города. Материалы для их истории XVII–XVIII столетий: Нерчинск, Селенгинск. Якутск. М. : Типография М.Г. Волчанинова, 1886. 146 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 25 апреля 2018 г.

NERCHINSK – BEIJING: RUSSIAN TRADE CARAVANS IN 1689–1703

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta — Tomsk State University Journal, 2018, 435, 121–126.

DOI: 10.17223/15617793/435/15

Sesegma V. Kirillova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sesegkirillova@mail.

Vyacheslav V. Shevtsov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: toleben@yandex.ru

Keywords: Russia; Siberia; China; Eastern Transbaikalia; Nerchinsk; turn of 18th century; international trade.

The article presents a description of the first stage of Russian-Chinese trade after the conclusion of the Treaty of Nerchinsk in 1689. The Russian side was primarily interested in the trade “discovery” of China, and tried to develop this new economic direction by sending large trade caravans to Beijing annually (while under the treaty their frequency had to be established only once every three years). Changes in composition and guidance of these 11 expeditions attest to the fact that Russian-Chinese trade was not exclusively governmental, carried out by the Moscow merchant class. Commercial interests, knowledge and experience of Nerchinsk merchants were a necessary condition for its successful development. Trade expeditions to Beijing were mostly privately-owned (5), mixed (4) and only finally official (2). The basis for such a differentiation was the ratio between the Moscow merchants (their interests were represented by trade agents) and their exported and imported goods with local merchants from Nerchinsk and their goods (the Treaty of Nerchinsk contained the condition of free trade for all comers). Consistent with traditional isolationist policy, the Chinese side did not consider the possibility of trade with Russia as a necessary and economically beneficial direction. Direct opposition to including the trade item into the Treaty of Nerchinsk was changed by the tactics of coordination and bringing its regime according to the political tasks (border demarcation, Russia’s consent to accession of Mongolia to China) and the factual course on gradual replacement of Russian trade from the center of the empire (Beijing) to its periphery (in the Manchurian Naun). The growing trading activity of Russians aroused dissatisfaction of the Chinese authorities with the official and unofficial economic contacts of their subjects with the northern neighbor. The Qin authorities forced Russian merchants out of Beijing in 1703, Naun in 1720, and the Mongolian Urga in 1726. This was the end of the first stage of Russia’s international trade on the easternmost border of the country. During

the period of unilateral Russian-Chinese trade, the military-border Nerchinsk experienced an economic recovery and acquired the character of a merchant city. After the abolition of Albazin Voivodship, which was ceded to China, Nerchinsk became the largest military and trade center of Transbaikalia near the Russian border on the Argun River. Different strata of local population, in addition to their main activity in urban service, were involved in the sphere of commodity-money relations.

REFERENCES

1. Russian State Archive of Ancient Acts. (In Russian).
2. Bantysh-Kamenskiy, N.N. (1882) *Diplomaticheskoe sobranie del mezhdru Rossiyskim i Kitayskim gosudarstvami s 1619 po 1792 g.* [Diplomatic collection of affairs between the Russian and Chinese states from 1619 to 1792]. Kazan: Tip. Imperatorskogo universiteta.
3. Silin, E.P. (1947) *Kyakhta v XVIII v.: Iz istorii russko-kitayskoy torgovli* [Kyakhta in the 18th century: From the history of Russian-Chinese trade]. Irkutsk: Irkut. obl. izd-vo.
4. Yakovleva, P.T. (1958) *Pervyy russko-kitayskiy dogovor 1689 g.* [First Russian-Chinese Treaty of 1689]. Moscow: USSR AS.
5. Kashik, O.I. (1961) *Torgovlya v Vostochnoy Sibiri v XVIII v. (po dannym tamozhennykh knig Nerchinska, Irkutsk, Ilimska)* [Trade in Eastern Siberia in the 18th century. (according to the customs books of Nerchinsk, Irkutsk, Ilimsk)]. In: *Voprosy istorii Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Questions of the history of Siberia and the Far East]. Novosibirsk: [s.n.]. pp. 197–198.
6. Aleksandrov, V.A. (1984) *Rossiya na Dal'nevostochnykh rubezhakh (vtoraya polovina XVII v.)* [Russia on the Far Eastern Frontier (second half of the 17th century)]. 2nd ed. Khabarovsk: Khabarov. knizh. izd-vo.
7. Skachkov, P.E. & Myasnikov, V.S. (1958) *Russko-kitayskie otnosheniya 1689–1916. Ofitsial'nye dokumenty* [Russian-Chinese relations, 1689–1916. Official documents]. Vol. 2. Moscow: Izd-vo vost. lit.
8. Demidova, N.F. & Myasnikov, V.S. (1972) *Russko-kitayskie otnosheniya v XVII v. 1686–1691. Materialy i dokumenty* [Russian-Chinese relations in the 17th century. 1686–1691. Materials and documents]. Vol. 2. Moscow: Nauka.
9. Demidova, N.F. & Myasnikov, V.S. (1978) *Russko-kitayskie otnosheniya v XVIII veke. Materialy i dokumenty* [Russian-Chinese relations in the 17th century. Materials and documents]. Vol. 1: 1700–1725. Moscow: Nauka
10. Kabanov, P.I. (1959) *Amurskiy vopros* [The Amur question]. Blagoveshchensk: Amur. knizh. izd-vo.
11. Sladkovskiy, M.I. (1957) *Ocherki ekonomicheskikh otnosheniy SSSR s Kitayem* [Essays on the economic relations of the USSR with China]. Moscow: Vneshtorgizdat.
12. Dolgov, S.O. (1899) *Vedomost' o Kitayskoy zemle i glubokoy Indii* [Report about Chinese land and deep India]. In: Dolgov, S.O. & Sobolevskiy, A.I. *Pamyatniki drevney pis'mennosti i iskusstva* [Monuments of ancient writing and art]. Moscow: [s.n.] Tipografiya V. pp. Balasheva i K°.
13. Ides, I. (1967) *Zapiski o russkom posol'stve v Kitae (1692–1695)* [Notes on the Russian Embassy in China (1692–1695)]. Moscow: Nauka.
14. Spafariy, N.G. (2009) *Puteshestvie cherez Sibir' do granits Kitaya* [A trip through Siberia to the borders of China]. Chita: Ekspres-izd-vo.
15. Zhalsaraev, A.D. (2011) *Vremya, sobytiya, lyudi. Khronologicheskiy perechen' dat i faktov etnicheskoy Buryatii* [Time, events, people. Chronological list of dates and facts of ethnic Buryatia]. Ulan-Ude: Respubl. tipografiya.
16. Lang, L. (1978) *Zapiski L. Langa o poezdke v Pekin* [Notes by L. Lang on a trip to Beijing]. In: Demidova, N.F. & Myasnikov, V.S. *Russko-kitayskie otnosheniya v XVIII v.: materialy i dokumenty (1700–1725 gg.)* [Russian-Chinese relations in the 18th century: materials and documents (1700–1725)]. Moscow: Nauka.
17. Russian Empire. (1830) *O nepropuske v Kitay torgovykh lyudey bez gramot iz Sibirskogo prikaza. 28.01.1706* [About non-admission to China of trade people without letters from the Siberian Chancery. 28.01.1706]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of the laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 4. No. 2089. St. Petersburg: Tip. II Otd. E.I.V. Kantselyarii.
18. Naydenov, N.A. (1886) *Sibirskie goroda. Materialy dlya ikh istorii XVII–XVIII stoletiy: Nerchinsk, Selenginsk. Yakutsk* [Siberian cities. Materials for their history of the 17th–18th centuries: Nerchinsk, Selenginsk. Yakutsk]. Moscow: Tipografiya M. G. Volchaninova.

Received: 25 April 2018